

достигали, требуют определенной их представимости, наглядного воспроизведения. Вызывать в себе «мускульно» визуальные образы — значит глубже проникнуть в проблему, стать участником радостной драмы своего открытия. Опорные образы сознания ученого выполняют роль моделей, благодаря которым творческое постижение мира осуществляется все дальше.

Ученый, в отличие от «обычных людей», видит за фактами их сущность, обладает неким существенно особым видением мира, позволяющим ему приводить в определенную концептуальную систему явления, совершенно друг с другом вроде бы не связанные или связанные чисто внешне. Во многом это присуще и художнику. Однако в отличие от художника, которому чаще всего достаточно придать своему произведению художественное правдоподобие и тем самым силой своего дарования заставить аудиторию поверить в истинность изображаемых им событий, ученый всегда вынужден подвергать всякую открытую им закономерность строгой экспериментальной проверке.

Как известно, в наши дни принципиально новые научные открытия рождаются чаще всего на гранях (стыках) нескольких отраслей знания при непредставимых прежде сочетаниях разных наук. Но столь же верным будет утверждение, что в самом процессе научного поиска новые открытия все чаще возникают и будут возникать на стыках логических и образных структур.

А. В. Милашунас
В. П. Червонный
г. Екатеринбург

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Мировой опыт исторического прогресса науки убедительно демонстрирует ее неразрывную связь с моральным фактором. Моральное «наполнение» науки проявляется в целом ряде существенно важных аспектов, начиная от акцентуации тех или иных направлений исследования, методов их осуществления, характера опредмечивания достигнутых результатов и кончая нравственным обликом ученого. Последний рассматривается под углом зрения таких его личностных характеристик, как честность, совестливость, объективность, а также способность противостоять прямому или косвенному давлению извне — со стороны не только антидемократических властных структур, но и криминала. В системе гуманитарного знания, наиболее чувствительного к отмеченной проблема-

тике, особенно заметна нравственная окраска философии политики, исследующей важнейшие для постиндустриального общества вопросы типа «общество — власть». Решение этих стержневых вопросов имеет стратегически важное значение не только для определения курса экономического развития, но и в деле формирования нравственного макроклимата, оказывающего растущее влияние на отмеченный курс. Краткое рассмотрение морального заряда философии политики следует предварить оценкой нравственного потенциала политики как ее центрального субстрата.

Во многом идущая от Н. Макиавелли тенденция едва ли не «воспевания» политики как почти абсолютно аморального феномена в наибольшей степени была подвергнута сомнению И. Кантом, Г. Гегелем, подчеркнувшими ее нравственно-правовые основания. Марксизм акцентировал классовую сущность политики и указал на высокоморальный характер политической линии «настоящего народа», т. е. революционно настроенных слоев трудящихся.

Захватившие власть в России большевики провозгласили главным критерием моральности политики все то, что способствует утверждению социализма. И хотя Ленин отмечал, что интересы общественного прогресса выше интересов пролетариата, «революционную» мораль последнего он рассматривал как предпочтительную в сравнении с надклассовыми нравственными ценностями. В этой связи некоторые современные российские претенденты на роль духовных пророков Отечества выражают мазохистские, по сути, оценки морального аспекта жизни нашего народа в 30-е годы XX века: «Пусть мы творили злодейство. Но это была юность злодейства. А юность — это прекрасно» (Зиновьев А. Нашей юности полет. Лозанна, 1983. С. 113). Явным позитивным диссонансом звучат слова Л. Н. Когана, размышлявшего о личной моральной ответственности советских людей за многолетнее политическое торжество тоталитарной бюрократии: «Виноваты люди, все мы, поколения первых лет Советской власти, виноваты перед историей, а значит, перед Вечностью!». По-видимому, будет не лишним пожелание не забывать о нашей сегодняшней ответственности за недопущение отката к неототалитаризму в любой его форме.

В XX столетии широкое распространение получила многозначная интерпретация политики, хотя стержневой остается ее характеристика как способа завоевания либо удержания в своих руках полноты государственно-политической власти. При этом преобладающее число философов политики и значительная часть субъектов непосредственной политической деятельности придерживается по преимуществу макиавеллистского истолкования ее квинтэссен-

ции. Среди них следует выделить две основные группы авторов, в первую очередь политологов.

Первая из них выступает против самой идеи признания онтологической природы общечеловеческих моральных ценностей. Всякая нравственность истинна и обязательна «только в собственном культурном ареале и ложна (не обязательна) за его пределами» (Поздняков А. Политика и нравственность. М., 1995. С. 29). Мы полагаем, что если бы действительная ситуация в сфере общественной морали была таковой, то человечество давно истребило бы себя на почве разгула безнравственности. Вместе с тем следует признать, что каждый народ стремится к обогащению общечеловеческого содержания морали различными вкраплениями национально-особенного, неспособного «отменить» его суть. Другая группа мнений, исходящих от радикал-державников, отличается от первой гипертрофированием национально-специфического колорита отечественной морали, придающего, по их мнению «Русской Идее» уникальность, питающую отмеченные провиденциализмом претензии русского народа на особую историческую миссию. Сторонникам такой платформы необходимо иметь в виду, что В. С. Соловьев, на которого они нередко ссылаются, мечтал о «вселенской» религии и на этой основе морали как обязательной и для России.

Идущие из глубины столетий представления о политической деятельности как всецело «грязном» деле и адекватная им оценка субъектов политики имеют под собой долговременно утверждавшиеся стереотипы. Опора на них намного чаще приносила властям успех, чем политическое фиаско. Вместе с тем очевидно, что антифашистские силы XX века продемонстрировали мощный «аренал» морального плапа, способствующий нравственному самоочищению растущего числа людей. Доверие, совесть, чувство нравственного долга призваны, по мнению таких западных аналитиков, как К. Поппер, Ф. Фукуяма, Дж. Хэллоуэлл, укрепить моральный базис демократии и содействовать ее позитивному совершенствованию. В итоге это должно материализоваться в прогрессирующем уровне нравственно-психологического самочувствия рядового человека, его уверенности в силе гражданского общества, способности не допускать к власти безнравственных политиков либо своевременно отстранять их от нее, заменяя демократическими лидерами. В данном плане важно, чтобы философы политики, справедливо характеризующие гражданское общество как «меру социальной разумности общества» (В. В. Скоробогачкий), подкрепляли данный тезис напоминанием о нравственной «пронизанности» отмеченной разумности — указанное общество призвано вклю-

чать не просто «критическую массу личностей» (С. А. Ковалев), но нравственно мыслящих и действующих граждан.

Из сказанного следует, что российская философия политики начала ХХI века, имеющая своим объектом, в частности, сложные процессы диалектики тоталитарного, раннепосттоталитарного и неототалитарного в нашем обществе, может внести важный вклад в решение задачи воспитания субъектов социально-политической деятельности, способных формировать свою политическую культуру на твердой нравственной основе и проявлять ее в следующих основных направлениях:

а) в утверждении принципиальной оценки советского партийно-государственного режима доперестроечного периода как аморального в своей основе, как утвердившего тип «демократии», не обеспечившей многие жизненно важные свободы рядовых людей на деле. Эта оценка особенно актуальна по причине отсутствия у современной российской элиты политико-юридической воли реализовать суд над сталинизмом и его последующими модификациями. Она будет содействовать складыванию моральной атмосферы, необходимой для осуществления данного суда, отсутствие которого негативно сказывается на осознании рядовыми гражданами того факта, что политика — не всегда «грязное» дело. Только в таком случае удастся реализовать призыв Ф. М. Достоевского — оценивать Россию не по злодеяниям, совершенным во имя Отечества, а по нравственной силе идеалов и целей, за которые борется народ. В итоге будет иметь место подлинно демократический вариант интеграции общечеловеческих ценностных ориентиров и тех идеалов, которые издавна выступают «визитной карточкой» российских народов;

б) в демонстрации растущей гражданской зрелости и даже ответственного мужества — в целях противодействия силам, провозгласившим приверженность моральным ценностям гражданского общества, но на практике проявляющим стремление к очередному безнравственному переделу собственности, ограничению свободы средств массовой информации, использованию достижений информационной революции в целях поощрения тех тенденций авторитарного плана в большой политике, которые не способствуют необратимому отказу от недавнего тоталитарного прошлого;

в) в отстаивании такой квинтэссенции политического портрета национальной идеи, которая будет положена в основание моделирования обозримого будущего России как не претендующего на очередной поиск аксиомы «первопроходства», а синтезирующего важные достижения российского дооктябрьского (1917 г.), совет-

ского и международного опыта нравственного обустройства жизни, способствующего утверждению «постэкономического» (В. Л. Иноземцев) общества.

Г. П. Петрович
г. Екатеринбург

ТЕХНИКА И ТВОРЧЕСТВО В ОЦЕНКЕ ИНЖЕНЕРА И ФИЛОСОФА П. К. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА

Влияние техники на все аспекты цивилизации и человека огромно. Его называют техногенным. Реальность, созданная не столько техникой, сколько технической цивилизацией, требует: во-первых, особого осмысления техники, ее природы и сущности; во-вторых, уяснения роли личности в этом процессе; в-третьих, поиска путей разрешения этих проблем. Поэтому в перспективе актуален не отказ человека от техники, от технического отношения к миру, без которого невозможно существование человеческой цивилизации, а поиск новых, более гуманитарных форм их взаимоотношения, вызывающих интерес к проблемам человеческой культуры и инновационной деятельности.

Техника привлекала внимание философов еще в древности, однако предметом научно-философского анализа она стала только в конце XIX — начале XX столетия. На проблему взаимоотношения техники и творчества обратил внимание русский ученый, инженер-механик и философ техники П. К. Энгельмейер. Он был одним из первых, кто на рубеже веков откликнулся на запросы и потребности новой исторической эпохи, наступившей в развитии техники, сделав предметом своих исследований технику и творчество. Техника есть реальное творчество, заключающее в себе искусство правильного мышления, имеющее свои законы, соблюдение которых дает определенный экономический эффект. Наука, искусство и этика ставят ей задачи, а она их решает на деле.

Особенность подхода мыслителя к технике заключается в его переходе от практической деятельности к философским проблемам техники. Источниками философского мировоззрения мыслителя явились античные ученые, Ф. Бэкон, Г. Лейбниц, Р. Декарт, Г. Спенсер, первые представители философии техники — Э. Капп, Р. Дессауэр, Э. Гартиг, И. Бекман, Г. Поппе, Ф. Рело. На основании работ Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Паскаля, И. Канта, Г. Спенсера и других философов он доказал историческое приближение философии к жизни. Опираясь на опыт русских мыслителей, П. К. Энгельмейер сделал попытку собрать воедино все, что было при-